

ДО ПОБЕДЫ ОСТАВАЛОСЬ...

Он памятник воздвиг! Но не себе...

Была у фронтовика Владимира Григорьевича Леонтьева мечта: поставить в родном селе Усть-Серта новый памятник всем, кто не вернулся домой после Великой Отечественной войны. И мечта исполнилась!

Прокатил бы Володя на тракторе

- Давайте сходим к памятнику, - предлагаю Владимиру Григорьевичу.

- Конечно, сходим, - соглашается он и снимает с вешалки куртку. Мне хочется помочь хозяину. У меня-то две руки, а у него одна, и та - левая. А правую войну отняла.

- Я сам всё делаю! - вежливо, но твердо сказал мне Владимир Григорьевич, ловко надевая куртку.

И походка у него твердая, и плечи расправлены.

А преклонил голову Владимир Григорьевич только у памятника. Смахнул ладонью осевшие на черном мраморе снежинки, стал вслух читать фамилии:

- Леонтьев Филипп. Это мой родной брат. Леонтьев Николай. А это двоюродный брат. Василий Васильев был моим другом. На войне и мой дядя Федор Кучуба погиб. Но он из Курск-Смоленки, соседнего села. Потому и нет здесь его фамилии. А всех, кто здесь, я, конечно, знал. Целыми семьями уходили...

Вздыхнув, он продолжает читать:

- Парфенов Иннокентий. Парфенов Мирон. Родионовы, Субботины, Ванюковы, Назины, Егоровы... Уходили в разное время. И погибли в разные годы. А сейчас все вместе, рядышком на памятнике.

На эту стелу Владимир Григорьевич передал из своих сбережений 80 тысяч рублей.

- Мне приятно, что благодаря этому новому памятнику и самой памяти стало больше, - говорит 90-летний ветеран. 90 ему исполнилось в октябре этого года. Выходит, Леонтьев из молодого поколения фронтовиков. Так они называют тех, кто ушел на войну не в 41-м, а позднее. Из-за своего возраста.

...Уже была похоронка в доме на брата Филиппа, павшего смертью храбрых, когда в военкомат позвали Володю. До 18 лет ему оставалось еще несколько месяцев, но он уже работал в колхозе на тракторе. Тогда только успели вспахать и засеять колхозные поля. Председатель всем полеводам руку пожал. Вот и вся награда за ударный труд.

За руку с Володей Леонтьевым поздоровался и районный военком. Потом спросил: «Хочешь Родине послужить?» Кивнул парень, а про себя подумал: «А заодно и за брата фашистам отомстить».

Мать Марфа Малаховна всё плакала и плакала, складывая в холщовый мешок еду для Володи. И без соли был соленым хлеб от материнских слез.

Шестерых парней 1924 года рождения провожали тогда из Усть-Серты. А чтобы не совсем грустными были проводы, девчата спели на прощание: «Прокати нас, Володя, на тракторе, до околицы нас прокати!»

Вообще-то в песне упоминается Петруша, но «Володя» ведь тоже подходило. Как и «Василий». Эх, Васильев, друг закадычный, столько они еще с Володей не договорили про главное. То есть про жизнь...

Сибиряки не сдаются и не предают!

На фронт отправлялись из Юрги. Неделю ехали до Москвы. А уже оттуда неделю шли пешком в направлении

Калининского фронта. Вернее, пробирались болотами. Лошадь, на которой везли хлеб с крупой, выбилась из сил. Хотя и везти-то ей было уже почти ничего. Хлеб вышел. А крупу на кашу делили посуточно, по чашке каши на обед и - до следующего обеда. Понятно, что без ужина.

- Отощали все. Но пить хотелось больше, чем есть. А воды нет. Не будешь же из болота черпать, - вспоминает Владимир Григорьевич. - Но вот однажды зашли мы в какое-то село. Постучал я в первое попавшееся окно. Распахнула створку хозяйка и давай... ругаться. Много, мол, вас тут ходит. И всем то налей, то подай. Отошел я от этой злыдни. Зато в другом доме и напитки дали, и хлеба кусок. В общем, свои тоже были разными. И среди местного населения, и среди нашего брата солдата.

Как-то слухок прошел, что после жаркого боя, где наших много полегло, два солдата покинули позиции и ушли в лес. Нервы не выдержали? С жизнью, которая только началась, расставаться не хотелось? Или по натуре они трусливые, жалкие? Вот и ждали момента. А, ну их!

Однако уже на следующий день командир говорит мне: «Леонтьев, тебя срочно требуют в особый отдел». Иду, от волнения ног под собой не чувствую. Вместе с тем прокручиваю в голове: что я такого сделал, чтобы особысты моей персоной заинтересовались? Дошел, вошел и сразу спросил: «Чем я провинился?»

Человек, сидевший за столом, поднялся, приглашает тоже присесть. Отлегло от сердца: арестовывать вроде не собираются. И верно. Стали меня уговаривать, чтобы я всё за всеми подмечал, к разговорам бойцов прислушивался. Если кто-то вызывал подозрение, я должен был докладывать. «Подумай над нашим предложением», - ска-

Владимир Григорьевич при параде.

зали мне. А я без раздумий сразу ответил: «Сибиряки не сдаются и своих не продают».

«Ладно, Леонтьев, иди, войной дальше» - с такими словами меня и проводили.

...Воевал пехотинец Леонтьев, как и подобает сибиряку, отважно. Два боевых ордена у Владимира Григорьевича - Отечественной войны I и II степеней. А недавно еще один прибавился - орден Почета Кузбасса. Губернатор Аман Тулеев вручал его ветерану. И руку, конечно, пожал. Левую. Но крепкую.

Лучше отдать, чем взять

Награды, внимание - всё это, конечно, хорошо. Так и должно быть по отношению к ветеранам, а уж к фронтовикам - тем более.

Но, извиняясь перед Владимиром Григорьевичем за осмотр его скромного неблагоустроенного дома, всё-таки спрашиваю:

- А почему вам не дали квартиру как участнику Великой Отечественной войны?

- Потому что я не просил. Я вооб-

ще никогда и ничего у власти не просил. Правда, когда дали путевку на Южный берег Крыма, не отказался. Но это давно было, через несколько лет после войны.

- А где вы войну закончили? - спрашиваю скромного хозяина дома.

- Так я войну не закончил. В 1944 году домой вернулся, после госпиталя. А до этого был ранен под Смоленском. Вначале и не думал, что всё серьезно. Решил, что просто локоть вывихнул. Перевязали, перетянули - и ладно. Но через пять дней у меня гангрена началась. Вот и встал выбор: или руку отнимать, или с жизнью прощаться. Закрыл я глаза и сказал врачам: «Режьте!»

...Не сразу, постепенно, с годами он научился всё делать одной левой рукой. На трактор, правда, уже не сел. А вот велосипед очень даже помогал ему преодолевать деревенские расстояния. Ведь, несмотря на инвалидность, Владимир Григорьевич продолжал работать.

Сейчас он переживает за разваленное хозяйство. Не понимает тех, кто, живя на селе, ведет городской образ жизни, у кого на подворье никакой живности. Сам он всегда корову держал. И сено сам косил. Это сейчас, когда овдовел, держит только собаку во дворе да двух котов в доме. Все веселее с ними, чем одному.

Хотя опять же сидеть некогда. То воды принесет, то печь затопит, то борщ себе сварит.

- Еле уговорили мы Владимира Григорьевича, чтобы соцработник к нему приходил, - сказали мне в сельской администрации. - И о квартире благоустроенной говорили. А он - ни в какую. Не хочет уезжать из Усть-Серты, где всё ему родное. А теперь вот еще и памятник! Спасибо Владимиру Григорьевичу. Если бы не он, не его помощь и инициатива, то и не стоял бы сейчас этот памятник близ главной дороги, самого многолюдного места в нашем селе. Так что не надо ждать 9 Мая, чтобы снова прочесть фамилии на камне.

Ладно, отказался ветеран от переселения со своей малой родины, но хоть бы косметический ремонт в своем доме дал провести! Вроде согласился. Так что к 9 Мая помолодеет его дом. И будет под стать хозяину, не сдававшемуся ни годам, ни осколку, который до сих пор сидит в его теле. В войну вынуть не удалось, а после просто не стал Леонтьев докупать врачам. Так говорит:

- Не мешает мне осколок. Разве что в непогоду напоминает.

А вот от протеза правой руки отказался: «Он бы мне только мешал».

Вот такой он, бывший фронтовик Владимир Григорьевич Леонтьев. Скажет, как отрежет. Что задумает - сделает, пообещает - выполнит.

Со слезами на глазах вот такой случай рассказала заместитель Усть-Сертинской сельской территории Татьяна Родинова:

- Моей 10-летней внучке Аленушке, страдающей детским церебральным параличом, потребовалось дорогостоящее лекарство. С просьбой одолжить денег обратилась я к Владимиру Григорьевичу. Деньги он дал. Только с условием... чтобы я не возвращала долг. Конечно, если бы Алена могла ходить и говорить, она сама бы пришла к Владимиру Григорьевичу, чтобы сказать ему спасибо. И вообще, дядя Володя (так зовем мы его, любя и уважая) многим помогает. Просто потому, что мы его земляки-односельчане. Добрый он человек.

...Сейчас этот добрый человек направляет венки у нового памятника, где более ста фамилий земляков, не вернувшихся с войны. А он вернулся. Чтобы помнить!

Вот он - новый памятник! Фото Александра Зиновьева.

Галина БАБАНАКОВА.